Муз. обозрение. — 1992. — Дек. 1№22). — С. 6, 7.

Дек 1992

Береговский Моисей Яковлевич

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛАССИКА МУЗЫКАЛЬНОЙ

(К 100-летию со дня рождения

12 октября 1992 года в Санкт-Петербурге произошло два значительных события, связанных с еврейской музыкальной культурой: утром открылась Первая Международная конференция по еврейской музыке устной традиции (чтения памяти М.Я. Береговского, посвященные столетию со дня его рождения), а вечером состоялся концерт-презентация воссозданного в Петербурге и когда-то знаменитого Общества еврейской музыки.

По счастливому совпадению 12 октября (14 число месяца Тишры по еврейскому календарю) в этом году оказался первым днем традиционного недельного праздника Кущей (Суккот). Трижды знаменательный день. В книгах еврейских пророков этот праздник связан с наступлением царства справедливости. Суккот — это праздник единства еврейского народа, причем не только ныне живущих евреев, но и всех поколений народа, имеющего тысячелетнюю историю. Народ в этот день радуется, обратив свое сердце не к одному себе, но — ко всему миру. Это очень символический праздник, и символика его чрезвычайно знаменательна, как мне кажется, и для петербургских событий. В самом деле, наряду с религиозно-историческим значением (недельное празднование в память о том, как Господь поселил евреев в кущах-шалашах — в пустыне после исхода из Египта), Суккот имеет и календарный смысл, отмечая завершение сбора урожая плодов. Празднуя столетие Береговского в день традиционного праздника урожая, мы вспоминаем о том, что в духовном смысле этот день является символом зрелости, плодотворного труда и награды за него. Долгожданной награды — как в трагической и прекрасной судьбе Береговского.

Суккот дает нам еще один, дополнительный символ: шалаш (по-древнееврейски сукка) должен быть устроен так, чтобы через его крышу видны были звезды. Чем чернее ночь, тем ярче звезды! **Звезда Береговского взошла.**

Но не только Береговского: празднуя его столетие, мы отдавали должное его памяти, и в то же время открывали великое культурное наследие для самих себя. И не случайно вспоминался другой знаменательный юбилей: как раз 12 октября исполнилось 500 лет открытия Америки Колумбом (гипотезы об еврейском происхождении Колумба и связанные с этим черты его характера и моменты биографии оставляю пока в стороне, как не относящиеся прямо к теме статьи).

Все мы когда-то становимся Колумбами в той или иной области, и для каждого поколения такое открытие — праздник, долгожданный Суккот.

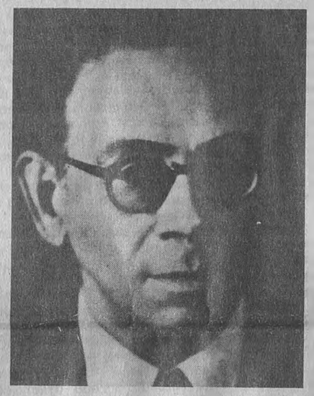
Моисей Яковлевич Береговский (1892-1961) родился и работал на Украине, но его архив с 1966 года находится в Петербурге, в Российском Институте истории искусств на Исаакиевской площади, 5. В его составе — рукопись фундаментального (до 130 печатных листов) пятитомника "Еврейский музыкальный фольклор". На сегодняшний день опубликована лишь небольшая его часть — в собрании песен и инструментальных (скрипичных) пьес, но никогда не публиковались ни так называемые "нигуны" (т.е. напевы без слов), ни знаменитые "пуримшпили" (в своем роде народные оперы, во многих из которых поются даже речитативы). Последние составляют — по объему — больше трети всего пятитомника (40 п.л.).

Откровенно говоря, трудно поверить, что все это грандиозное здание еврейского (на языке идиш) музыкального фольклора возведено усилиями одного человека практически на пустом (в смысле национальных научных традиций) месте за столь короткий срок (основное было сделано за одно десятилетие интенсивнейшего труда — 1929-1939) и в столь неблагоприятных условиях, хорошо известных тем, кто знает, чем была сталинская национальная политика в "еврейском вопросе"... Грустно. Удивительно. И потрясающе.

Хочется разобраться в этом феномене, хочется понять жизнь и подвиг Береговского как особое явление нашей истории и культуры.

Береговский не сразу нашел себя в фольклористике. Он прошел большой, пестрый и нелегкий путь по дороге к цели, как оказалось — заветной. Можно жалеть, что он потерял дорогое время, и можно радоваться, что он получил драгоценный опыт самостоятельной работы в разных областях музыкальной деятельности.

Мальчиком Береговский пел в синагогальном хоре, общаясь с различными канторами. Потеряв голос, продолжал занятия теорией музыки. Научился играть на виолончели. Зарабатывал себе на жизнь частными уроками, позднее — играл в различных оркестрах. Но среда оркестровых музыкантов оказалась трудной для юноши, ощущавшего в себе жажду творчества. В 1915 году он поступил в Киевскую консерваторию, сначала в класс виолончели, а через год — в класс теории композиции Б. Яворского. Одновременно преподавал теорию и историю музыки, а также хоровое пение в еврейских школах и гимназиях Киева. В 1916-1920 годах руководил самодеятельным хором киевского отделения знаменитого Общества еврейской народной музыки — того самого, что впервые было создано в Петербурге в 1908 году, а отделения которого позже стали открываться в разных городах России и Украины. С этим хором Береговский дал множество концертов, все более увлекаясь хоровым творчеством. Параллельно, с 1918 года, он начал сотрудничество с "Культурлигой" — еврейской организацией, связь с которой ему была поставлена в вину при аресте 30 лет спустя! В 1920 году он организовал по поручению "Культурлиги" детскую музыкальную школу, в которой опять же руководил хором. Этот хор много выступал в детских домах, школах, клубах. Сохранилась трогательная фотография, на которой Береговский снят вместе с учениками его школы — детьми, осиротевшими в результате погромов гражданской войны...



М.Я. Береговский (1892-1961)

6.08.60 Жуковка

Многоуважаемый Моисей Яковлевич!

Спасибо Вам за Ваш отзыв о творчестве Б. Рубин. Простите, что я Вам так долго не отвечал на Ваше письмо, но я разъезжал много и творил. Сейчас более или менее сижу на месте, более или менее здоров.

Я не могу полностью согласиться с Вашим отзывом о творчестве Б. Рубин. Мне она показала довольно много своих песен. Некоторые из них были в очень слабых обработках.

Однако, высоко ценя Ваше мнение, я думаю, что может быть и следовало что-либо из ее песен обработать и записать.

Во всяком случае у меня к Вам очень большая просьба: если Вам удастся, то познакомьтесь с ее творчеством более подробно. И тогда, если Вас не затруднит, сообщите мне Ваше мнение.

С лучшими пожеланиями

Недавно я обнаружил письмо Береговского 1942 года, адресованное М.Ф. Гнесину, в котором он, рассказывая о своей жизни той поры, признавался: "Я усердно писал контрапункты и задания по ладовому ритму, Мне было трудно у Яворского из-за догматизма его системы. Я умею воспринять, прорабатывать, изучать и т.д., но мне очень трудно стать правоверным, нерассуждающим начетчиком, а система или, вернее, методика усвоения системы Яворского в свое время требовала и веры без оговорок. Я ушел от Яворского и поступил в класс М.О. Штейнберга". Для этого Береговскому пришлось уехать из Киева в Петроград.

В Петроградской консерватории Береговский учился в 1922-24 годах. Женившись в 1922 году, он зарабатывал на жизнь педагогикой, и успешно: так, в 1924 году в 48-м петроградском детском доме он поставил с ребятами оперу Н. Римского-Корсакова "Сказка о царе Салтане". Но и здесь, в классе Штейнберга, Береговский не смог найти себя, теряя веру в свое композиторское будущее. Так и не закончив консерваторское обучение, Береговский оставил класс Штейнберга и переехал в Подмосковье, где два года работал в Малаховской опытно-показательной школе, созданной Ю.Д. Энгелем.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что именно эти последние годы работы до возвращения в Киев и до начала систематических занятий еврейским музыкальным фольклором, начиная с 1927 года, имели для поворота в судьбе Береговского решающее значение, и связано это в первую очередь с влиянием идей Ю. Д. Энгеля, его новаторской деятельности в области еврейской народной и профессиональной музыки, его опытов обучения на фольклорной основе. (Напомню хотя бы прекрасный сборник Энгеля из 50-ти еврейских народных детских песен, изданный еще в 1916 году). Я вижу что-то неслучайное в совпадении этих двух событий 1927 года — смерти Энгеля и начала занятий фольклором Береговского: он словно принял из рук Энгеля эстафету, и ему повезло — в Киеве он встретил поддержку другого замечательного фольклориста, крупнейшего украинского этномузыковеда К. Квитки. С его помощью Береговский осваивал научную литературу на разных языках (он владел русским, украинским, идишем и ивритом, немецким, французским и польским языками), методику собирания фольклора, нотной транскрипции, систематизации и т.д. Это была прекрасная практическая школа. Начались ежегодные фольклорные экспедиции. С Гнесиным записывал песни разных народов — в первую очередь украинцев, а также болгар, чехов, мариупольских греков, караимов, цыган, а в годы войны — башкирский песенный и инструментальный фольклор, фольклор украинцев Башкирии. Уже в конце 1944 года Береговский снова на Украине и снова в экспедициях, теперь по местам фашистским лагерей и еврейских гетто.

Береговский работал как истинный подвижник, забывая о себе.

Невольно задаешься вопросом — что значит этот подвижнический труд? Что значит эта потребность зафиксировать и обнародовать все основные виды и жанры родного фольклора — песни, напевы без слов, инструментальные пьесы, музыку народного театра, а также историю изучения и претворения всех этих сокровищ устной традиции? Береговский создал основополагающие труды в области еврейского музыкального фольклора на языке идиш, особенно известного среди украинских евреев. Гнесин назвал эти труды энциклопедией еврейской песни, и я думаю, что тут схвачено главное в облике и деятельности Береговского: он был классиком национальной культуры, тем деятелем, который самим временем призван заложить основы основ, а классик по самой сущности своей не может не быть энциклопедистом, не может не быть основоположником сразу в нескольких фундаментальных областях. И случилось чудо — после физического истребления еврейского народа Восточной Европы во время нацистского геноцида, после варварского уничтожения архива Кабинета еврейского музыкального фольклора в послевоенном Киеве, после чудовищного по нелепости и гнусности ареста Береговского в 1950 году (напомню, что Береговский был реабилитирован только в середине 1956 года в результате активного вмешательства Д.Д. Шостаковича!), — после всего этого великий пятитомник Береговского "Еврейский музыкальный фольклор" сохранился.

(Кстати сказать, Береговский вынужден был защищать диссертацию, чтобы не быть уволенным из Академии, и тогда обнаружилось, что у него нет даже диплома об окончании вуза. Благодаря поддержке М. Гнесина, Х. Кушнарева, К. Квитки и других, он был допущен до защиты и 19 января 1944 в Московской консерватории состоялось удивительное слушание — первая и до сегодняшнего дня единственная у нас публичная защита диссертации по еврейской народной музыке. Квитка назвал ее **"событием чрезвычайной важности в жизни Московской консерватории и в истории советской музыкальной науки вообще"** (цитирую по стенограмме, хранящейся в ЦГАЛИ). Думаю, что материалы этой защиты достойны особой публикации. Уже после смерти Береговского в Москве крошечными тиражами вышли два прекрасных сборника — песенный (1962) и инструментальный (1987). Они давно стали библиографической редкостью.

Звезда Береговского взошла — в дни своего столетнего юбилея он снова с нами. Его труд будет опубликован полностью — и в США, где он переводится сейчас на английский язык, и, надеюсь, на родине ученого, в России и на Украине.

Моисей Береговский родился в веселые ханукальные дни, обычно приходящиеся на декабрь, дни победной радости, света и надежды. И этими чувствами была пронизана юбилейная конференция в Петербурге.

Конференция была **международной** — в ней участвовали специалисты России, Украины, Беларуси, Молдовы, Польши, США, Израиля. Конференция была **интердисциплинарной** — в ней участвовали фольклористы и музыковеды, этнографы и театроведы, музыканты-исполнители и этноорганологи. Конференция была **интернациональной** — в ней участвовали евреи и украинцы, русские и белорусы, поляки и грузины.

Три дня конференции представили три мира, так или иначе связанных с Береговским. Первый день был мемориальным — выступила дочь ученого, доктор филологических наук Эдда Моисеевна Береговская, прекрасно обрисовав перед нами жизненный путь отца, его человеческий облик. Своими воспоминаниями поделились Любовь Исаевна Ратманская, в детстве ученица Береговского по киевской еврейской музыкальной школе. Замечательный сюрприз приготовил к своему выступлению Болеслав Исаакович Рабинович, зачитавший фрагменты из неопубликованных писем Береговского и продемонстрировавший магнитозаписи его голоса! Участники конференции были потрясены: запись была сделана на любительском магнитофоне в домашней обстановке незадолго до смерти Береговского, но какой чистоты и силы голос мы услышали, какую подлинность и яркость национально-характерного интонирования донесла до нас эта пленка! И главное, что пел Береговский — нигн, то есть песню без слов, мелодию, которая подчас заменяла еврею молитву, выражала его душу, поднимала его над повседневностью, заставляла быть больше самого себя. Это было прекрасно.

В этот же день большой доклад об историческом значении Береговского в жанре "юбилейного слова" сделал автор этих строк (публикуется в сокращении в 1-м номере журнала "Музыкальная академия" за 1993 год), а известная писательница Мария Григорьевна Рольникайте — Маша Рольник (повторившая подвиг Анны Франк), автор потрясающей повести "Я должна рассказать", говорила о малоизвестном не по нашей вине — о песнях еврейских гетто и концлагерей, о сопротивлении, об уходе из гетто в партизанские отряды, о подполье в гетто и концлагерях, о создании новых песен — лирических, героических, сатирических, даже эстрадных! Ее волнующее выступление завершило первый день конференции.

Утреннее заседание второго дня целиком было посвящено докладам гостей из Москвы, Минска, Львова и Киева. Его открыл Б. Гряновский, заострив внимание на русско-еврейских связях, на актуальности научной разработки сохранившихся архивных материалов. Он рассказал о малоизвестной публикации Ивана Липаева "Еврейские оркестры" 90-летней давности, которую упоминал Береговский. Об еврейском элементе в народной музыкально-инструментальной культуре Беларуси говорила И. Назина. Естественно, что почти семь столетий совместной жизни белорусов и евреев на территории Беларуси не могли не привести к взаимообмену культурными и языковыми ценностями, особенно в области инструментальной музыки. Назина продемонстрировала свои звукозаписи, отражающие еврейский репертуар свадебных инструментальных капелл Белорусского Полесья.

Аналогичные процессы, но с еще большим размахом, проходили на Украине. История украинского еврейства вообще составляет важнейшую главу в длительной истории обоих народов — украинцев и евреев. К сожалению, эта история плохо освещена в отечественной науке, но на Западе составляет предмет пристального внимания. Достаточно упомянуть большую коллективную монографию, выпущенную на английском языке уже двумя изданиями (второе — в 1990 году) и подготовленную в канадском институте украинских исследований. Особенно интересна — а для наших читателей во многом сенсационна — первая часть книги, касающаяся раннего периода еврейской истории на Востоке Европы — хазарского (650-960 годы), русского (960-1360 годы) и литовского (1360-1495 годы), о которых пишет известный историк Омельян Прицак, анализирующий, в частности, важные документы XI-XIII веков, написанные по-еврейски в Киеве. Автор многотомного труда "Происхождение Руси", Прицак подчеркивает устойчивое значение евреев как трансляторов культуры на Руси в духе эллинских традиций, начиная от деятельности прославленного апостола Кирилла, который в 860 году пришел из Константинополя в хазарский Крым изучать еврейский язык и овладевать искусством перевода, необходимого ему для выполнения его исторической миссии, и кончая значением города Тьмутаракань (по арабским источникам "еврейский Смкрч"), через который шла передача литературы из Болгарии в Киев. В частности, автор знаменитой "Повести временных лет" располагал славянским переводом "Иудейской войны" Иосифа Флавия, сделанным непосредственно с еврейской версии в Тьмутаракани. Короче говоря, еврейская история на украинских просторах длится свыше тысячи лет. Здесь родилось и выросло движение хасидизма, здесь писали прославленные еврейские философы и поэты — здесь появилась поэзия Х.-Н. Бялика и проза Шолом-Алейхема. Здесь звучала музыка еврейских свадебных капелл — клезмеров, чье искусство радует нас и сегодня.

Это искусство бытовало на Украине более четырех столетий и не могло не повлиять на местные инструментальные стили. Р. Гусак в докладе "Фрейлехс в Подольском Поднестровье" обратила внимание на то, что клезмеры на протяжении длительного времени играли не только на еврейских свадьбах, но и на украинских. Гусак проанализировала богатые материалы своих экспедиционных исследований в Каменец-Подольске Хмельницкой области, а также в Ямпольском, Песчанском и Першадском районах Винницкой области, в частности, на украинско-молдавском пограничье.

Что касается Западной Украины, в особенности Закарпатья, то там до войны местами до 50 процентов населения составляли евреи. Б. Луканюк в докладе "Инструментальная музыка в еврейской свадьбы на Гуцульщине" говорил о том, как "в силу трагических последствий второй мировой войны этот неповторимый микрокосм интонаций, мыслей и чувств многих поколений галицких евреев безвозвратно канул в Лету, совсем не исследованный и по существу никак не документированный, ибо так и не дождался своего М. Береговского..." Но эта "Атлантида", по выражению Луканюка, исчезла, повлияв на всю культуру Закарпатья. Собирателю повезло: он встретил выдающегося гуцульского музыканта Васыля "Могура" Грымалюка (1920 года рождения), который, благодаря недюжинному таланту, был приглашен еще до войны в еврейский инструментальный ансамбль сперва вторым, а потом даже первым скрипачом и, таким образом, отыграл немало еврейских свадеб в селах нынешнего Верховинского района Ивано-Франковской области. Феноменальная память Могура сохранила, по утверждению Луканюка, освоенный им на слух репертуар того ансамбля (две скрипки, аккордеон и бас) и сам ход свадебной игры гуцульских евреев. Могур, будучи мощным музыкальным полиглотом, обладает таким артикуляционным слухом, что в его исполнении и сегодня еврейская музыка не имеет ничего общего с украинской. Это позволяет реконструировать погибшую культуру с известной долей подлинности.

Луканюк убежден, что "евреям принадлежит существенная роль главных проводников бытовой музыкальной культуры общеевропейского плана в гуцульскую фольклорную среду", и что народная музыка галицких и, в частности, гуцульских евреев — тема столь же трудная для исследования, сколь и важная для всестороннего познания не только быта исчезнувшего этноса, но и в первую очередь этнокультурных процессов в центрально-восточной Европе межвоенного периода.

Доклад Луканюка был прекрасно дополнен выступлением Ларисы Сабан об ее экспедиционных открытиях в совсем уже не известной области традиционной еврейской хореографии на Гуцульщине, Буковине, Полесье, у летков-переселенцев на Тернопольщине (украинско-польское пограничье).

Вечернее заседание второго дня конференции было посвящено истории еврейских музыкальных обществ, начиная от деятельности Ю. Энгеля (доклад Риты Фломенбойм из Израиля), Петербургского общества — по материалам архива еврейского композитора М. Мильнера (доклад Г. Копытовой, зав. кабинетом рукописей РИИИ в Санкт-Петербурге) и до истории произведения "Эли Цион" Лео Цейтлина (1884-1930), впервые атрибутированного американской виолончелисткой и пропагандисткой музыки композиторов Петербургского общества Полой Эйзенштейн-Бэйкер. Кстати сказать, наша американская гостья участвовала и в большом концерте, организованном в тот же вечер в Зеленом зале Института, где она исполнила эту пьесу Цейтлина. В том же концерте приняли участие новый Петербургский ансамбль "Нигун" под руководством Елены Неплоховой (прозвучали обработки песен из сборника Береговского, созданные молодым композитором Евгением Хазданом), гости из Кишинева, также исполнившие обработки песен, записанных Береговским (композитор Злата Ткач, певица Алла Короид, пианист Сергей Бенгельдорф), и скрипач Иосиф Вязовский, исполнявший соло и вместе с пианистом и фольклористом Юрием Бойко, целое отделение еврейских народных, классических, популярных и эстрадных мелодий.

М.Я. Береговский в школе (начало 20-х годов)

Последний день конференции был посвящен народному театру и библейским сюжетам в фольклоре: на русском материале об этом говорила Л. Ивлева, о вкладе евреев в искусство театра кукол рассказала И. Соломник, а собственно об еврейских пуримшпилях сделал доклад В. Дымшиц (на примере текста пьесы "Голиас-шпиль"). Пожалуй, он впервые профессионально перевел на русский язык один из пуримшпилей "Голиафово действо" — и подробно прокомментировал его текст с точки зрения композиции, выразительных средств, сходства с литературными памятниками иных культур и черт национального своеобразия. Доклад вызвал большой интерес, ведь Пурим — это еврейский весенний праздник карнавального типа, а пуримшпили — одна из прекрасных ветвей обширного древа средневекового народного театра, дошедшая до наших дней.

Завершилась конференция просмотром видео-фильма И. Мациевского о херсонском еврейском музыканте и "круглым столом", на котором были подведены ее итоги, высказаны предложения и пожелания на будущее, поставлены острые вопросы сегодняшнего состояния науки об еврейской музыкальной культуре в странах СНГ. Материалы конференции решено подготовить к публикации, а сами чтения сделать традиционными.

К началу работы конференции ее участники получили тезисы докладов, опубликованные благодаря спонсорской поддержке акционерного общества "Меганит". Приятно отметить, что именно "Меганит" взял на себя расходы и по публикации первой у нас в стране антологии идишских песен, составленной Максом Гольдиным под редакцией Земцовского, в которую включено немало шедевров из наследия Береговского.

Остается добавить, что участники и гости конференции оказались слушателями и первого концерта Еврейского музыкального общества Санкт-Петербурга. Незадолго до чтений памяти Береговского 8 октября 1992 года состоялась учредительная конференция этого общества — прямого наследника существовавшего в Санкт-Петербурге Общества еврейской народной музыки. Президентом избран кантор большой хоральной синагоги Петербурга Б. Финкельштейн, а вице-президентами — директор Еврейского Торгового Дома А. Ефремов, композитор В. Баснер, музыковед-фольклорист И. Земцовский. В обращении к общественности, подписанном Б. Финкельштейном, говорится о том, что двери Еврейского музыкального общества открыты для всех желающих, независимо от национальности, что мы готовы к сотрудничеству с любым творческим коллективом и организацией Санкт-Петербурга и России, ближнего и дальнего зарубежья. Еврейское музыкальное общество ставит своей целью сохранение, возрождение, развитие и распространение еврейской музыки разных эпох и жанров, содействие композиторскому и исполнительскому творчеству, поддержку существующих и вновь образованных коллективов, проведение концертов, фестивалей, а также издательскую деятельность и создание на базе Еврейского музыкального общества специальной школы искусств. Большая серия концертов планируется на конец декабря, когда будет праздноваться ханукальная неделя.

Общество в начале пути. Предстоит нелегкая работа. Идет выявление как архивных сокровищ, только сейчас открываемых для широкого пользования, так и творческого потенциала петербуржцев и музыкантов разных стран, готовых к сотрудничеству. Впереди участие в подготовке Второго международного фестиваля еврейской музыки, проведение которого намечено на октябрь 1993 года, а также в празднованиях, приуроченных к столетию петербургской синагоги. Еврейская музыка возвращается, чтобы вновь занять свое достойное место как в сердцах слушателей, так и в современных представлениях об истории музыкальной культуры. Октябрьские события в Санкт-Петербурге напомнили всем нам, как мы богаты, как прекрасно наше наследие, и как сильно зависит наше будущее от наших собственных творческих усилий.

Изалий ЗЕМЦОВСКИЙ